

**Карабчевский Николай
Платонович**

**Что глаза мои видели. Том 2.
Революция и Россия**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3

ББК 84

Карабчевский Николай Платонович

Что глаза мои видели. Том 2. Революция и Россия / Карабчевский Николай Платонович – М.: Книга по Требованию, 2011. – 122 с.

ISBN 978-5-4241-1508-0

Карабчевский, Николай Платонович - известный судебный оратор и писатель. Родился 30 ноября 1851 г. Окончил курс на юридическом факультете Петербургского университета. Состоит присяжным поверенным округа Петербургской судебной палаты. Много лет был членом совета присяжных поверенных; в 1913 г. был избран председателем совета, но выборы эти были отменены судебной палатой. Как судебный оратор, Карабчевский обратил на себя внимание речью в защиту Е. Брешковской в политическом процессе "193-х" (в 1877 г.). Целый ряд громких уголовных процессов (например, Мироновича, Имшанецкого, Ольги Палем, мултанских вотяков, братьев Скитских) прошел при его участии. Отличительные его черты - стремительность речи и искреннее одушевление. Он сам волнуется и волнует свою аудиторию. Особенно выдаются его речи по политическим делам: Гершуни и Сазонова. Речь по делу Сазонова переведена на французский язык и помещена в "Revue des grands proces" за 1905 г. В 1913 г. Карабчевский выступил одним из защитников по известному делу Бейлиса. Обладая выдающимся искусством допрашивать свидетелей и экспертов, Карабчевский часто переносит центр тяжести процесса на судебное следствие. Из беллетристических произведений Карабчевского наиболее выдающееся "Господин Арсков" ("Вестник Европы"), из публицистических - статья "О

ISBN 978-5-4241-1508-0

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Карабчевский Николай
Платонович
Что глаза мои видели (Том 2,
Революция и Россия)

Карабчевский Николай Платонович

(1851-1925) Адвокат

"Что глаза мои видели"

Том II - Революция и Россия

Старая орфография изменена.

Этот труд напечатан в количестве пяти тысяч экземпляров, из которых сто на лучшей бумаге.

Все права сохранены за автором

Посвящается русским друзьям

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

На склоне дней моих глаза мои видели "великую" русскую революцию.

Ту великую, которая, в лихую годину тяжкой войны, обрушилась на обессиленную Россию, и, тотчас же забыв о ней (т. е. о России), занялась "самоуглублением".

К чему это привело, - надо ли говорить?..

Ее "самоуглубление" еще продолжается, крови пролилось много, но ее запас еще не иссяк на святой Руси.

О такой именно русской (если хотите, - "великой", по размерам бедствия) революции имеется зловещее предсказание у знаменитого Жан-Жака Руссо, в его "Contract Social".

Но те, кто искали спасения России именно в революции, к сожалению, не только не задумывались над пророческой страничкой Руссо, но были вообще, далеки от всякого предвиденья.

Вот, что мы читаем у Руссо по поводу теперь сбывающегося с Россией:

"Для нации, как и для людей, наступает пора молодости с совершеннолетием, которого нужно дожидаться ранее, чем подчинять их законам. Совершеннолетие нации не всегда легко распознать, и если его упредить - пропало дело. Иной народ готов для усвоения дисциплины от самого зарождения своего, иному и в десяток столетий это не дается."

Русские никогда не будут по настоящему шлифованными, потому что над ними стали проделывать это слишком рано. Гений Петра, был гений подражательный; это не был подлинный гений, творящий из ничего. Кое-что из того, что он сделал было хорошо, но, в большей своей части, неуместно. Он видел, что народ его еще в состоянии варварства, но не видел того, что он еще не созрел для окончательной шлифовки; он хотел цивилизовать его, когда надо было начать с того, чтобы сделать его твердым. Он затеял творить из своих подданных немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы сделать русских; он навсегда воспрепятствовал своим подданным стать тем, чем они могли быть, вбив им в голову, что они то, чем они не были. Так иной французский наставник ведет своего воспитанника к тому, чтобы он блистав в детстве, оставаясь потом навсегда ничем.

Российская Империя пожелает подчинить себе Европу, но сама будет подчинена. Татары, ее собственные подданные или соседи станут ее господами и подобная революция мне представляется неизбежной. Все европейские правительства дружно работают над ускорением этого.

Не считаться с такими предсказаниями, особенно сейчас, когда оно уже в большей своей части сбылось, значило бы закрывать глаза. Можно только

удивляться еще прирожденной силе русского народа, который выносил стойко все правительственные над ним эксперименты и сдал только в период общечеловеческих бедствий.

Оговариваюсь заранее: я отнюдь не славянофил, в том узком смысле и квасном вкусе, как это принято у нас понимать, но я и не западник того типа, которым щеголяла наша литературная и всякая иная "интеллигенция", полагавшая все свое призвание в пересадке на русскую, неудобренную почву, самых дорогих и ценных цветков европейской культуры, взращенных чужим трудом и политых потом и кровью других народов. На даровщину эти ценности не приобретаются; прочно только то, что добыто своими усилиями, что вписано на страницы своей истории собственною кровью.

Начать хотя бы с декабристов, ореол славы которых живет исключительно их мученическим концом и чертами рыцарского благородства некоторых отдельных личностей. Вне этого, какая ребяческая, туманно-подражательная программа, какой нелепый замысел объять необъятное, когда в то время у России была единственно насущная задача: мирное освобождение крестьян от крепостной зависимости. Веди они только эту пропаганду, словами и примером, они не были бы декабристами, а практическими гуманистами высокого закала и их деятельность не осталась бы для России без культурно-реальных плодов.

Не даром Лев Толстой начал было и бросил писать свой роман, сюжетом которого должны были явиться декабристы. Они достойны простой исторической справки, но это не герои эпопеи.

Нигилизм, охвативший Россию в начале царствования Александра II, не иллюстрирует ли беспочвенность русской интеллигенции... И в какую минуту, когда мирной просветительной работе, не будь его эксцессов, с пожарами и террористическими актами, открывался уже значительный простор. Его антикультурные проявления достаточно охарактеризованы в "Бесах" Достоевского, чтобы интеллигенция, жаждавшая во что бы то ни стало "великой" революции для России, могла считать себя не предупрежденной относительно неизбежности тех отвратительных ее последствий, которые вылились теперь. Ряд террористических актов, которым на протяжении многих лет сочувствовала, если не поощряла "интеллигентная" Россия, в конце концов, не принося никакой практической пользы, "только развращала" народные массы, разнуздывала, их совесть, давала образчик самоуправных, кровавых расправ, якобы неизбежных, в поступательном историческом движении нации.

Оговариваюсь, раз и навсегда, относительно абсолютизма нашей монархии, правительства и всего того, что правило народом официально и, якобы, властно. Все это было в огромном большинстве своем ниже всякой критики, не только вне всякой определенной программы, но и малейшей продуманности. Непонимание собственных интересов правящих, сталкивающееся с таким же непониманием интеллигенции и ее неумением исповедывать не одни революционные мечты, а мирно-просветительные задачи, приводило к тупо-кровавому упрямству с той и с другой стороны, оставляя реально-насущные интересы страны вне этой вечной борьбы правительства с революционно-натасканной, раз навсегда, интеллигенцией.

Когда мы говорим теперь, задним числом, о наших "тиранах монархах" становится и стыдно и смешно. Они могли бы быть в свое время тиранами и, пожа-

луй, хуже, что ими не были, во вкусе Иоанна Грозного. Это, по крайней мере, заставило бы нашу "чеховскую" интеллигенцию, хотя бы ради шкурного своего бытия, быть не тем кисельно-ноющим, серым стадом, ожидающим спасения от отдельных мучеников террористов. Клики в свое время любой "тиран" своей клич к народу, посули ему хоть горсть тех обещаний, которые пригоршнями рассыпали ему и наши думцы и наши революционеры относительно раздачи земель, неплатежа налогов и прочее, и кроме царя и народа ни одной живой души не осталось бы в России. Всю интеллигенцию смело бы, как будто ее никогда не существовало.

Но, увы! - цари наши были и беспутными, и легкомысленными и недоумками, но тиранами, желающими сами со своими потомками, только уцелеть на престоле, во что бы то ни стало, никогда не были. Три таких колосса мысли и чувства, как Пушкин, Гоголь и Достоевский, кончили тем, что поняли это, и провидели в царе слугу народа, при условии мирной и длительной ему подмоги, а не вечной разбойничьей травле из-за угла.

Царствование Александра II с первых же шагов было сплошною его травлею из-за угла, и не чему удивиться, что под конец его царствования это уже был травленный заяц, а вовсе не самодержавный монарх, не знавший где и как искать опоры.

И самое убийство его Перовской и К° накануне, какой ни на есть, "конституции", могущей открыть брешь к правильному политическому развитию России, не было ли все тем же характерным девизом нашей недисциплинированной интеллигенции: "все или ничего!"

Только цари, приближавшееся сколько-нибудь к типу "тиранов", умерли у нас своею смертью.

Уцелевали до конца именно те, которые отвечали: "ничего"!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

В сущности положение наших самодержцев было всегда, более или менее, трагически-жалким.

Официально считалось, что русское дворянство - надежнейшая опора престола. Но о нашем, так называемом, дворянстве говорить нельзя иначе, как с величайшими оговорками и в этом, опять таки, великий грех Великого Петра. Как ни как, но древнее боярство имело свои корни, свои заслуги, свою историю, свой авторитет у народа. Оно баракталось и мужественно проявляло себя даже при Иоанне Грозном. Правда, оно не сумело сделать государственного дела, как это сделало английское дворянство захватившее своевременно всю власть в свои руки и не во имя своих кастовых интересов, а во имя блага страны. Но все же в боярстве были и близость к народу и кое-какие нравственно-бытовые устои, которые беспощадно смела все та же европейская метла Петра Великого.

Созданное им и его потомками наше служилое дворянство, за небольшими исключениями, все пошло от прислужников и авантюристов, нередко иноземного происхождения, от любовников наших цариц, от сводников, наушников и прочей царской челяди, искавшей только подачек у подножья трона.

Наследственность довольно сомнительная. Чего же было ждать от такого "сословия"?!

При этом при заверениях в своем "патриотизме" при официальных случаях, полное отсутствие любви и всякой связи с родиной.

Одаренные выше меры за счет России, они проживали эти состояния, большею частью, за границей, забывая о России, картавя, коверкая и портя родную речь.

У трона, отгеснив родовитое, дворянство, в последнее время, теснилась стая случайных людей, стоявшая плотной стеной между царем и народом, и не было лжи и подвоха, к которым эти молодцы не прибегали бы, чтобы ослепить царя своими заверениями о "благополучии России".

В сущности наши "тираны" почти все были безвольными тряпками, игрушками в руках тех, или иных бюрократов, правивших Россией. И наше "первое" сословие вместо мирной, но стойкой оппозиции, охотно мирилось с ними, кто бы они ни были, ради подачек и своих исключительных выгод.

Стойким "тираном" у нас считался Александр III.

На короткохвостом, но грузном коне, не русского типа, в виде тяжеловесного монумента, изобразил его Трубецкой. А, в сущности, он все свое царствование проездил на доморощенных безуздых саврасах, жадно отъедавшихся на государственных харчах.

Двое типичнейших заправил этого царствования: Муравьев и Витте. К концу царствования Александра III их недаром величали узурпаторами царской власти. Они непосредственно подготовили печальное царствование несчастного Николая, поплатившегося за вся и за всех.

Как же реагировало на их своекорыстную политику наше дворянство, наше "первое сословие" ?

Приемная того и другого (как впоследствии у Распутина) всегда была набита именно просителями этой "красы и гордости" нации, но ничего не просили и не требовали они для страны, для народа, а исключительно кланчили выгод и подачек для себя.

Характерные примеры бывали басней города.

Например, история с восстановлением имущественного благоденствия рода князей Б. Не к царю пошли они за этим, а к Витте. Я знал адвоката, который "провел" это дело, он и поведал мне какими психологическими путями и этапами интимного характера пришлось достигать благоприятного результата.

При содействии министра юстиции Муравьева была учреждена Высочайшая опека, широко использовавшая казенные субсидии для частных интересов. "Весь Петербург" скоро узнал, "где зарыта собака".

Супруга всеильного финансиста, не принятая ко двору и бойкотируемая "высшим светом", скоро стала показываться в ложе чопорной княгини В., и стала посещать княжеский дворец, о чем не смела мечтать раньше.

Это пример только случайный.

И Витте и Муравьев, с легкой руки Победоносцева, были настоящими узурпаторами и развратителями самодержавной царской власти.

По формуле наших "основных законов" самодержец управляет Россией "на твердом основании законов". Никто менее их не стеснялись ни законами ни традициями. Одно время они были типичнейшими правительственными жонглерами, заботящимися исключительно об удержании лично за собой власти, а с нею вместе и благ земных.

Если раньше неумно правили Россией родовитые, но бездарные сановники, честные по своему, но не видевшие дальше своего носа, то зато эти не могли не

видеть в какую пропасть они ее ведут и, достойных предшественников Распутина не даром, из деликатности по иностранному, окрестили весьма нелестным прозвищем к концу правления Александра III-го.

Но они, и им подобные, оставались еще долго у власти и при Николае II-м.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Еврейский вопрос в России всегда был большим местом, не только нашей государственности, но и общественности.

Черта оседлости и всевозможные правовые ограничения, парализуя для еврейской трудоспособной массы возможность ассимиляции и органического приобщения к интересам России, создавало внутри самого государства непримиримых и весьма опасных врагов нашего государственного режима. На этой почве процветали и приемы деморализующего характера, выработанные администрацией, обязанной проводить в жизнь дробную регламентацию такого искусственного неравноправия.

Еврейская масса, от которой брезгливо отворачивалась "опора" трона и правящие классы, сплошь бедствовала и бывала нередко жертвою правительственных экспериментов в виде бессовестно диктуемых погромов (например, Кишиневский погром при Плеве) и, в то же время, еврейские мошны наихудших спекулянтов, набитые при помощи казенных воровских поставок и столь же воровских биржевых и банковских афер, властно позвякивали, пробивали себе дорогу решительно всюду, где нужно было развратить и обессилить власть, или нарушить закон.

Интеллигентная еврейская молодежь, особенно болезненно страдавшая от подобной постановки в России "еврейского вопроса", естественно, стремилась увеличить собою поток кроваво-террористических выступлений.

В сфере общественности, именно юридическое неравноправие евреев, вело к выработке лишь двух крайних, лишенных вдумчивости и беспристрастия, отношений к "еврейскому вопросу". Известные общественные элементы являлись поголовно непримиримыми юдофобами, не терпящими самого духа еврейской нации, одобрявшими и погромы и самые нелепые репрессии; лучшие сознательно являлись юдофилами, в самом широком значении этого слова, брезгливо опасаясь, даже критикой отдельных отрицательных черт и личностей, унизиться до нанесения удара лежачему.

Молчаливое соглашение по этому предмету, не всегда и не всеми, истолковывалось и понималось правильно.

Противники евреев характеризовали его, как страх перед еврейским засильем в сфере материальных отношений, иные же еврейские круги не прочь бы усматривать в этом просто слабость и невольное признание превосходства еврейской культуры.

Под шумок таких настроений, например, русская прекрасная речь безнаказанно загромождалась в повседневной печати иностранно-еврейскими вывертами и словечками, а сфера деловых и материально-экономических комбинаций и отношений, почти без боя и должной конкуренции, уступалась в распоряжение еврейских дельцов.

Юридическое бесправие еврейства, обязывавшее русскую интеллигенцию, по чисто моральным основаниям, к значительной пассивности в деле оценки даже явно отрицательных явлений, получало сплошь санкцию какой-то торже-

ственной апологии еврейства.

Благодаря такому положению вещей, и при расплывчатой мягкотелости русского народа, замкнутая сплоченность еврейства в России являлась могучею силою.

Сила эта, именно в виду ее юридического бесправия, не могла вылиться иначе, как в силу революционную, разлагающую нашу государственность.

Еврейство вообще склонно быть ржавчиной всякой государственности. Оно незримо, но неустанно разлагает ее. Не имея собственного государства (территории, в этом смысле "отечества"), каждому еврею естественно более улыбается быть "гражданином Мира", нежели смиренным подданным той, или иной державы. А быть подданным государства, где явно афишировалось (как в России) его бесправие и практиковался унижительный процентный учет даже на образованность, явно невыносимо.

Русское еврейство естественно стремилось всеми средствами и усилиями сбросить с себя ярмо юридического рабства. Теперь сами евреи не скрывают свое широкое участие в деле подготовки нашей "великой" революции.

Одного, искусственно, щегловитовским правосудием, созданного, процесса злополучного Бейлиса (не говоря уже о предыдущих погромах), которым близорукая власть имела в виду "доконать" все еврейство, было через меру достаточно для революционного возбуждения русского еврейства.

Если пророчество Достоевского сбылось, и евреи "погубили Россию", то остается самим русским учесть этот жестокий урок истории и попробовать воскресить ее.

Одной юридической жестокости и нравственной общественной дряблости для бытия государства, очевидно, недостаточно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Раз зашла речь о русском еврействе, невольно воскресает в моей памяти светлый образ такого "русского еврея", как А. Я. Пассовер, страстно любившего Россию, ее быт, ее литературу. С предусмотрительною терпимостью он прощал ей ее временные недочеты и твердо верил в мирное развитие ее светлого будущего. Он считал большой ошибкой со стороны самодержцев не дать всем своим подданным основных устоев равенства, широкой образованности и законности, что могло бы сразу изменить группировку революционных настроений в империи.

Поляки, финны, евреи, благодаря своей большой жизненной закаленности, по его мнению, могли явиться гораздо более надежною стеною против крайних революционных натисков, нежели сами русские, вообще органически туго понимающие и воспринимающие культурность дисциплины. Он восторгался Н. Н. Герардом, когда тот в качестве Финляндского генерал-губернатора, после революции 1904-1906 гг. сумел в короткий срок завоевать себе популярность среди финнов и добиться без диких репрессий умиротворения края.

Кстати о Н. Н. Герарде.

Когда он подвергся жестокой травле со стороны "Нового Времени", именно в качестве Финляндского генерал-губернатора, он часто бывал у меня в виду процесса "о клевете", который он счел себя вынужденным повести против названной газеты. Раньше, нежели начать процесс, оставаясь еще в должности генерал-губернатора, он решил доложить о своем намерении Государю, чтобы

получить на это его санкцию. Характерно его объяснение с царем.

На письменном столе Государя, как раз лежала целая кипа номеров "Нового Времени". Герард и начал с того, что, указав на них, выразил уверенность, что царю известны все выпады этой газеты против его политики в Финляндии, причем характеризовал эти выпады, как преднамеренную клевету сторонников иной, чем он, политики обрусения окраин. Государь быстро отодвинул от себя газеты, заявив: "я этого не читал!" Герард не вполне понял, что это должно было означать: что он вообще не читает "Нового Времени" или только статей направленных против него.

На вопрос как он, Государь, отнесся бы к его намерению возбудить публичный судебный процесс, с целью установления в общественном мнении правильного государственного взгляда на его отношения в Финляндии, царь сказал: "да, это было бы хорошо. Вполне одобряю Ваше намерение".

Во время этой аудиенции и нескольких последующих Государь был, как никогда любезен и даже ласков с Н. Н. Герардом. Он интересовался его будущим процессом, спрашивал кто его адвокат и каково мнение последнего относительно шансов выигрыша процесса.

Н. Н. по его словам передал Государю в общих чертах мой отзыв о возможной судьбе процесса. Дела о клевете в печати судились в то время коронным судом, без участия присяжных заседателей. С присяжными процесс безусловно был бы выигран, так как политика Герарда по отношению Финляндии была умна, целесообразна и всецело отвечала общегосударственным интересам. Но я опасался Щегловитовского давления на совесть коронных судей, которое в сенсационных процессах благодаря подбору судей, уже систематически сказывалось. Влияние "Нового Времени" на прислужников власти было в то время также очень сильно. Разумеется, в устах Герарда мой отзыв получил более парламентскую окраску, он упомянул лишь о том, что в числе коронных судей могут оказаться убежденные противники его политических взглядов на задачи Русского Правительства по отношению к нашим окраинам.

Тема эта, очевидно, очень заинтересовала Государя, он комфортабельно усадил Герарда в мягкое кресло и стал, не спеша и обстоятельно, беседовать с ним об этом. Резюмированное мнение Н. Н. Герарда по этому вопросу было таково: Финляндия, Польша и Кавказ явились бы наилучшим оплотом внешней и внутренней безопасности России при условии надлежащего отношения к ним со стороны высшего Правительства. Финляндия и Польша заслуживали бы полной автономии, с сохранением всевозможных их национальных, бытовых черт и традиций. Он - Н. Н. Герард уверен, что, именно при таких условиях, Великий Князь Финляндии и Царь Польский были бы даже более обеспечены от всяких революционных эксцессов, нежели самодержавный Государь России.

Царь очень призадумался, ничего не возражал и, наконец, сказал: "благодарю Вас за полную откровенность. Надо подумать. То, что Вы мне сказали очень серьезно". В последующие свидания Государь уже не возвращался к той же теме, но продолжал быть крайне любезным с Герардом, давая понять, что относится к нему с большим уважением и доверием. Кончилось это, однако, довольно скоро неожиданной отставкой Н. Н. Герарда и назначением Финляндским генерал-губернатором вполне ничтожного Зейна, поведшего прежнюю, Бобриковскую, политику обрусения.

По поводу увольнения Герарда и оставления его не у дел, даже в качестве Члена Государственного Совета, помнится, Пассовер мне сказал: "Какое безумие, лишиться такого государственного ума, как Н.Н. Герард. Я уже после его отставки беседовал с ним, его пророчество относительно грядущей судьбы России до жуткости ясно и безнадежно".

На ряду с этим деятельность революционных запевал в наших трех государственных думах находила себе вполне отрицательную оценку у того же Пассовера.

О Винавере он иначе не выражался как: о "хитроумном гомункулусе", считая вообще всю партию "кадетов" "головастиками", совершенно не знающими и непонимающими России и ее интересов. Накрахмаленный англоман В. Д. Набоков, с его холостым выстрелом: "власть исполнительная, да подчинится власти законодательной", снискавшая ему лавры героического либерализма, возбуждал в нем всегда ироническое замечание: "попал пальцем в небо"!

Сам "незабвенный председатель первой Думы", С. А. Муромцев с его требованием, чтобы придворная карета в Царском Селе подавалась ему первому "как представителю народа", в нашей беседе с Александром Яковлевичем не вызывал восторга.

Я заметил Пассоверу, (был отличный ходок): "Вы, Александр Яковлевич, наверно, пошли бы во дворец пешком", на что он ответил: "А Вы думаете, что это не было бы куда эффектнее, нежели настойчиво и дерзостно выпрашивать милостыню".

Вообще вся деятельность первой Думы, с ее естественным разгоном, и с ее противоестественным выборгским воззванием, доказала полное отсутствие личности у ее членов малейшего политического такта и смысла.

Разве так овладевают властью и делаются органически необходимыми для страны и народа? Истинно талантливый артист и на шатких подмостках сумеет захватить толпу, только тогда он вправе оттолкнуть жалкие подмостки и требовать себе более подходящей арены. Но бесцельно кривляться, когда гонят с подмосток, бестактно и глупо. Таково было "выборгское воззвание".

Когда я уже после спросил Винавера, как он, "умный Винавер", затеял это воззвание, он ответил: "часовой обязан сделать и последний выстрел, раз он на посту"! "Как - возразил я - даже холостым зарядом?" Когда Муромцева спрашивали, зачем и он подписал это воззвание, не всегда глубокомысленный Сергей Андреевич на сей раз ответил чрезвычайно глубокомысленно: "Еже писах, писах"!

При налаженном уже конституционном режиме декоративный С. А. Муромцев выглядел бы отличным председателем-законником, но тут он был лишь жалким статистом, захваченным странствующей труппой, желавшей революционировать страну, исключительно ради его почтенной осанки, внушительного вида и голоса, и писал, и говорил все, что ему суфлировали.

Так "подписал" он и выборгское воззвание.

До чего натиск печатный и словесный сбивал в то время с толку людей, по видимому, даже установившихся в своих политических (если только таковые у них были) взглядах, можно отчасти судить по следующему примеру.

Ф. Н. Плевако, прославленный московский оратор, попал во вторую Думу. Любитель русской (даже славянской) старины и церковности, казалось бы, имел